

Тематически связанные материалы
в библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

МИРАНДА-и-Родригес Себастьян Франсиско
28.03.1750, Каракас — 14.07.1816, Сан-Фернандо
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#mirn>

Источники

Французская дипломатия во время Революции:
материалы Министерства иностранных дел Франции

Международная политика в документах
новейшего времени в договорах, нотах и декларациях.
Ч.1, От Французской революции до империалистической войны

Монографии и статьи

Р.Авербух. Политика европейских держав в 1787-1791 гг.

Н.Лукин. Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года:
по донесениям И.М.Симолина

Н.Краснов. Дипломатические отношения США и Франции
и период президентства Дж.Вашингтона

Моисей Самуилович Альперович **ФРАНСИСКО де МИРАНДА** **и ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФРАНЦИЯ** Французский ежегодник 1985 М.: Наука. 1987. С.229-244

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2011](#)

На одной из внутренних стен Триумфальной арки, воздвигнутой в прошлом столетии на парижской площади Звезды (ныне площадь Шарля де Голля) в честь военачальников Великой французской революции и наполеоновской империи, в числе других высечено имя венесуэльца Франсиско де Миранды — выдающегося руководителя испаноамериканского освободительного движения конца XVIII — начала XIX в.

Идея освобождения Испании Америки от колониального ига впервые зародилась в его сознании в начале 80-х годов, когда в качестве офицера испанской армии он участвовал в Войне за независимость английских колоний в Северной Америке. На протяжении многих лет Миранда рассчитывал добиться осуществления этой цели при помощи враждебных Испании держав. В поисках иностранной поддержки он побывал в США и исколесил почти всю Европу. Среди европейских государств, содействием которых в разное время пытался заручиться венесуэльский революционер, наряду с Англией и Россией важное место занимала Франция, где он провел с перерывами в общей сложности около 5,5 лет — накануне революции, в эпоху революционных войн, борьбы Горы и Жиронды, якобинской диктатуры, в период термидорианской реакции, Директории и Консульства.

Однако в исторической литературе обычно рассматривается в этой связи главным образом участие Миранды в Великой французской революции¹. Значительно более скупо освещено его отношение к предреволюционной Франции, игравшей немалую роль в жизни и духовном развитии борца за независимость американских владений Испании (хотя ни о какой поддержке своих проектов со стороны верной союзницы испанской монархии, связанной с ней Фамильным пактом 1761 г., он в то время, разумеется, не мог и помышлять).

Впервые венесуэлец попал в эту страну лишь в конце 1788 г. Но еще задолго до того Франция неоднократно фигурировала в планах его врагов.

Спасаясь от преследований испанских властей, узнавших о

¹ Наиболее полно оно показано в известном капитальном труде венесуэльского ученого К. Парра-Переса: *Parra-Pérez C. Miranda et la Révolution Française*. P., 1925. Авторизованный и испр. исп. пер.: *Parra-Pérez C. Miranda y la Revolución Francesa*. Caracas, 1966. Т. 1—2.

свободолюбивых помыслах Миранды и объявивших его «государственным преступником»², молодой офицер, служивший тогда на Кубе, вынужден был в середине 1783 г. искать убежища в США, а 1,5 года спустя выехал в Англию. 1 февраля 1785 г. он прибыл в Лондон, где посланник Испании Бернардо дель Кампо, уже извещенный о его «преступных» намерениях, поспешил установить за ним тщательную слежку. В конце апреля Кампо доложил в Мадрид первому министру графу Флоридабланке, будто венесуэлец располагает схемами и планами испанских укреплений в Америке (включая Гавану), а также другими важными документами, которые якобы готов продать правительству Питта³. Предложив министру похитить эти бумаги, посланник разработал в дальнейшем хитроумный план: завлечь под каким-нибудь благовидным предлогом Миранду на континент и добиться его ареста на французской территории⁴.

Месяц спустя Флоридабланка шифром известил Кампо о согласии короля с идеей заманить в ловушку непокорного подданного за пределами Англии и арестовать, причем предписывал координировать свои действия с испанским поверенным в делах в Париже Игнасио де Эредией⁵. Надлежащие инструкции получил и сам Эредия, который уже в конце месяца доносил, что заручился на этот случай содействием французского правительства в лице министра иностранных дел графа де Верженна⁶.

Однако пока враги Миранды строили козни, он решил воспользоваться представившейся возможностью посетить осенние маневры прусской армии. Докладывая об этом в Мадрид, Кампо обещал приложить все усилия к тому, чтобы при возвращении венесуэльца из Пруссии через Голландию и Фландрию убедить его проследовать по территории Франции, где все будет подготовлено для его задержания⁷.

9 августа 1785 г. Миранда вместе со своим другом полковником Уильямом С. Смитом — секретарем миссии США в Англии и зятем посланника Дж. Адамса — покинул Лондон. 3 сентября они прибыли в Берлин, где получили от Фридриха II разрешение присутствовать на маневрах, но по окончании их не вернулись в британскую столицу, а отправились в Саксонию, затем посетили Богемию, после чего выехали в Вену. Там друзья расстались. Смит возвратился в Лондон, его спутник же направился в Венгрию, а потом отплыл из Триеста не в Турцию, как предполагали

дось ранее, а в Италию, откуда через Дубровник (Рагузу) — в Грецию.

Изменение намеченного прежде маршрута позволило ему на время ускользнуть от бдительного ока следовавших за ним пятам испанских агентов. Потеряв след путешественника и не имея в течение нескольких месяцев сведений о нем, мадридское правительство тем не менее по-прежнему исходило из предположения, будто его поездка является кратковременной и вскоре закончится. Оно рассчитывало, что при возвращении в Англию он неминуемо попадет в капкан, устроенный на территории Франции — союзницы Испании.

Выполняя прямую инструкцию Флоридабланки, Кампо 19 сентября 1785 г. просил поверенного в делах во Франции Эредию добиться от министра иностранных дел Верженна принятия необходимых мер для ареста и последующей отправки Миранды в Испанию в случае его появления во французской столице или в пределах принадлежащей монархии Людовика XVI части Фландрии⁸.

Испанские дипломаты в Париже, видимо, сочли дело достаточно важным и срочным. Эредия немедленно поспешил в Версаль и заручился обещанием министра отдать нужные распоряжения. В дальнейшем вернувшийся во Францию после длительного отсутствия испанский посол Аранда попросил Верженна разослать приказы о задержании венесуэльца властям портов Дюнкерка, Кале и Булони. 4 ноября он уведомил своего коллегу в Лондоне о том, что парижская полиция уже получила соответствующие указания⁹. Три недели спустя Кампо в ответ на полученный ранее запрос послал Аранде словесный портрет «преступника» с подробным описанием его примет¹⁰.

Ничего этого сам Миранда, конечно, не знал. Правда, упомянутые выше злоешие приготовления не ускользнули от внимания У. С. Смита, находившегося поздней осенью 1785 г. проездом в Париже. Прибыв туда в начале ноября, полковник по ряду признаков обнаружил, что тамошняя полиция в расчете на приезд вместе с американским дипломатом и его спутника готовила западню для венесуэльца. Предположения Смита подтвердил тогда же маркиз Лафайет, который, как писал впоследствии американец Миранде, прямо заявил ему, что «если бы граф Аранда узнал, что Вы (Миранда.— М. А.) находитесь в Париже, он (Лафайет.— М. А.) крайне опасался бы за Вашу судьбу»¹¹. Спе-

² Позднее он был заочно приговорен к 10 годам каторги и уплате крупного денежного штрафа.

³ Robertson W. S. Francisco de Miranda and the Revolutionizing of Spanish America // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1907. Wash., 1908. Vol. 1. P. 253.

⁴ Кампо — Флоридабланке, 17 июня 1785 г. // Grisanti A. Miranda juzgado por los funcionarios españoles de su tiempo. Caracas, 1954. P. 65–71.

⁵ Флоридабланка — Кампо, 18 июля 1785 г. // Ibid. P. 71.

⁶ Эредия — Флоридабланке, 29 июля 1785 г. // Ibid. P. 181.

⁷ Кампо — Флоридабланке, 6 августа 1785 г. // Ibid. P. 73–75.

⁸ Кампо — Эредии, 1 октября 1785 г. // Ibid. P. 82–84. Текст инструкции Флоридабланки см.: Флоридабланка — Кампо, 3 сентября 1785 г. // Ibid. P. 78.

⁹ Robertson W. S. Op. cit. P. 263–264.

¹⁰ Эредия — Кампо, 1 октября 1785 г. // Grisanti A. Op. cit. P. 182–183; Аранда — Флоридабланке, 6 октября 1785 г. // Ibid. P. 183; Robertson W. S. Op. cit. P. 264.

¹¹ У. Смит — Миранде, 26 марта 1788 г. // Antepara J. M. South American Emancipation. L., 1810. P. 43–46.

ша предостеречь друга, Смит послал ему до востребования письма идентичного содержания в Рим, Неаполь, Геную и Венецию, но ни одно из них не дошло по назначению¹².

Оставаясь в полном неведении относительно происков испанских и французских властей, не прилагая специальных усилий, чтобы скрыться от них, Миранда тем не менее на продолжительное время исчез из поля зрения преследователей. Даже инициаторы столь хитро задуманной операции стали сомневаться в ее успехе. В конце ноября Аранда, делаясь своими сомнениями с Флоридабланкой, заметил, что Миранда слишком осторожен, чтобы появиться в Париже¹³. «Я убежден,— писал министру Кампо в середине января следующего года,— что, несмотря на нашу бдительность, ему удастся морем или сухопутным путем снова попасть в Англию; и на такой весьма вероятный случай я обдумываю какую-нибудь иную уловку»¹⁴.

После долгих размышлений посланнику пришло в голову, не направился ли его «подопечный» в далекую Россию. В последних числах марта 1786 г. он обратился к представителю Испании в Петербурге Нормандесу с просьбой сообщить шифром в Мадрид и испанской миссии в Лондоне, не находится ли в стране, где тот аккредитован, ревностный сторонник независимости Франсиско де Миранда, который «вопреки желаниям двора разъезжает по Европе». Если он там и намерен выехать во Францию, об этом следует заранее предупредить также графа Аранду¹⁵.

Не прошло и двух недель после отправки этого запроса, как Кампо узнал о полученном Смитом письме Миранды из Неаполя, датированном 10 марта, где сообщалось о скором возвращении его в Лондон. Поспешив уведомить об этом Аранду, посланник выразил надежду (теперь уже не столь уверенно, как прежде), что обратный путь венецульца будет проходить через Францию¹⁶. Аранда тотчас же нанес визит Верженну, который по просьбе посла подтвердил и возобновил отданный ранее превентивный приказ об аресте Миранды при появлении его во Франции. Оба испанских дипломата подробно доложили обо всем в Мадрид, где их действия были одобрены¹⁷.

Но время шло, а «бунтовщик» все не объявлялся. Докладывая в середине июля первому министру Испании, что из поступившего в Лондон письма путешественника, датированного серединой апреля, явствует, будто тот объездил ряд городов Италии, планирует посетить Грецию и через непродолжительное время воз-

вратиться в Англию, Кампо скептически заметил: «Очень трудно рассчитать, когда и каким путем он вернется сюда». А в начале сентября 1786 г. посланник уныло констатировал: «Ничего не известно и не слышно о местопребывании дона Франсиско де Миранды»¹⁸.

Но к тому времени, как эти сведения достигли Мадрида, испанское правительство уже успело получить донесение о появлении разыскиваемого лица в Стамбуле, а к концу года — о его отъезде в Россию. 9 февраля 1787 г. Нормандес доложил Флоридабланке, что Миранда находится где-то между Херсоном и Киевом, а в дальнейшем намерен выехать в Петербург, откуда собирается отправиться в Швецию¹⁹.

Итак, стало совершенно очевидно, что путешествие южноамериканца по континентальной Европе затягивается на неопределенный срок и, следовательно, рассчитывать на осуществление его ареста во Франции пока не приходится.

Вскоре, однако, Миранда столкнулся с происками французской дипломатии там, где, вероятно, меньше всего мог этого ожидать, — в столице Российской империи.

С посланником Франции при дворе Екатерины II графом Сегюром он познакомился еще в феврале 1787 г. в Киеве, куда приехал по приглашению всеильного вельможи светлейшего князя Г. А. Потемкина вслед за прибытием императрицы, в свите которой находился французский дипломат. Поскольку последний, видимо, не получал из Парижа никаких сведений касательно Миранды, а среди иностранцев, сопровождавших царицу в поездке на юг, не оказалось представителя испанской миссии в Петербурге, который мог бы соответствующим образом информировать его, первоначально отношение Сегюра к новому знакомому было вполне лояльным. Но в дальнейшем, когда из Петербурга пришло письмо от Нормандеса с просьбой сообщить о пребывании венецульца в Киеве, посланник насторожился. Хотя его испанский коллега умолчал о причинах запроса по поводу чужеземца, не подлежало сомнению, что если такая личность привлекла внимание союзного версальскому двору мадридского правительства, то к этому человеку следовало отнестись по меньшей мере с подозрением.

То, о чем пронизательный Сегюр мог до поры до времени лишь догадываться, остававшийся в его отсутствие в российской столице поверенным в делах Франции Беллан знал от дипломатических представителей Испании наверняка. Поэтому, когда в середине июня 1787 г. Миранда оказался на берегах Невы и стал появляться в столичном обществе, француз не только не счел нужным скрывать неприязнь к нему, но даже подстрекал, по мнению венецульца, испанского поверенного в делах Маканаса к

¹² См.: Смит — Миранде, 10 ноября 1785 г. и 8 апреля 1786 г. // *Archivo del general Miranda*. Caracas, 1938. Т. 15. Р. 79, 141–142. (Далее: АМ.)

¹³ Аранда — Флоридабланке, 28 ноября 1785 г. // *Grisanti A. Op. cit.* Р. 184.

¹⁴ Кампо — Флоридабланке, 17 января 1786 г. // *Ibid.* Р. 86.

¹⁵ Кампо — Нормандесу, 28 марта 1786 г. // *Ibid.* Р. 86–87.

¹⁶ Кампо — Флоридабланке, 20 апреля 1786 г. // *Ibid.* Р. 88.

¹⁷ Кампо — Флоридабланке, 20 апреля 1786 г. // *Ibid.* Р. 88–89; Аранда — Флоридабланке, 25 апреля 1786 г. // *Ibid.* Р. 185–187; Флоридабланка — Кампо, 18 мая 1786 г. // *Ibid.* Р. 89.

¹⁸ Кампо — Флоридабланке, 14 июля 1786 г. // *Ibid.* Р. 92–93; Кампо — Флоридабланке, 5 сентября 1786 г. // *Ibid.* Р. 94.

¹⁹ *Robertson W. S. Op. cit.* Р. 260.

враждебным акциям против «смутьяна». «По приезде моем в Петербург,— писал Миранда позднее Потемкину,— я заметил признаки заговора,— который предвидел заранее и обнаружил несколько дней спустя,— вдохновляемого поверенным в делах Франции и осуществляемого его подопечным, поверенным в делах Испании»²⁰.

С целью дискредитации южноамериканца, неугодного правительству Карла III, Маканас в начале следующего месяца послал ему записку крайне грубого и угрожающего характера, а получив весьма резкий ответ, потребовал от российских властей удовлетворения за нанесенное оскорбление (т. е. извинений Миранды) и запрещения венесуэльцу носить форму испанского офицера. Желая уладить конфликт, ставивший петербургское правительство в довольно затруднительное положение, вице-канцлер И. А. Остерман сразу же по возвращении Сегюра в столицу обратился к нему с просьбой о посредничестве в этом деле. Однако француз отказался взять на себя подобную миссию, а затем открыто принял сторону Маканаса. Именно он явился подлинным вдохновителем и организатором враждебной кампании против Миранды. Стремясь изолировать его, Сегюр, при содействии своего неаполитанского коллеги, в ультимативном тоне потребовал от фактического руководителя коллегии иностранных дел А. А. Безбородко и Остермана не допускать венесуэльца в высшее петербургское общество. «Поскольку министры (имеются в виду сановники, возглавлявшие правительственные учреждения России.— М. А.),— вспоминал он впоследствии,— дабы угодить императрице, оказывали этому испанцу большое уважение, приглашали на званые обеды и принимали вместе с дипломатическим корпусом, я, совместно с посланником Неаполя герцогом Серракаприолой, объявил им, что подобное поведение по отношению к человеку, оскорбившему поверенного в делах Испании, означает неуважение к мадридскому, неаполитанскому и версальскому дворам, и если это будет продолжаться, мы прервем всякие сношения с ними»²¹.

Одновременно «Бурбоны» (как их иронически называл Миранда) пытались не без успеха привлечь к участию в бойкоте южноамериканца остальных дипломатов, аккредитованных в Петербурге. Инцидент получил широкую огласку не только в этом городе, но и за его пределами, в том числе в ряде европейских столиц. Еще 20(31) июля, а затем 28 июля (8 августа) и 17(28) августа Сегюр подробно информировал о происшедшем министра иностранных дел Франции А. М. Монморена²², причем воспроизвел лживые инсинуации, распространявшиеся по адресу

венесуэльца Маканасом, не подвергая их ни малейшему сомнению. Ответственность за возникновение конфликта он возлагал исключительно на Миранду, ибо записка Маканаса, с которой все началось, по его словам, была всего лишь „сухой“, тогда как ответ на нее — «неуместен, оскорбителен и содержал даже выражения „презренный“ и „смехотворный“»²³.

Следует заметить, что сведения, исходившие от Сегюра, еще задолго до того, как были в середине 20-х годов XIX в. опубликованы на страницах его мемуаров²⁴, послужили основным источником компрометирующих Миранду слухов. Первым их подхватил автор четырехтомной «Истории Екатерины II» Жан-Анри Кастера²⁵, ряд утверждений которого вскоре опроверг в своей книге эквадорец Хосе Мария Антепара²⁶.

Между тем происки недругов Миранды вызвали отклики в обществе. Хотя официальные круги неизменно подчеркивали свою лояльность по отношению к нему, привыкший ко всеобщему вниманию венесуэлец уловил явные признаки охлаждения со стороны некоторых русских знакомых. Общаясь с ними, он нередко чувствовал, что кое-кто прислушивается к порочащим его измышлениям либо даже склонен поверить им.

Подвергаясь нападкам и отчетливо ощущая, как настроения в обществе меняются не в его пользу, наблюдательный путешественник пришел к выводу, что пришла пора распрощаться с гостеприимной Россией. Этому решению способствовало понимание того, что в сложившейся ситуации ему не дожидаться от российского правительства энергичного заступничества. Чтобы заставить его противников замолчать, требовались решительные меры, которые вполне могли вызвать обострение отношений с Испанией и Францией, крайне нежелательное для России в связи с надвигавшейся новой войной с Турцией, намечавшимся торговым договором с мадридским двором и другими обстоятельствами.

Казалось бы, покинув Россию по причинам, среди которых далеко не последними были направленные против него действия французской дипломатии, Миранда будет проявлять осторожность и уж во всяком случае не рискнет отправиться во Францию. Тем не менее, высадившись 10(21) сентября 1787 г. в Стокгольме, он предполагал после ознакомления со Швецией и Данней выехать через Швейцарию именно в Париж, где надеялся встретиться для

²³ Ibid. P. XXXII.

²⁴ Segur [L. Ph.]. Op. cit. T. 3. P. 77–79, 241–243. «Необоснованную и клеветническую злонамеренность, проявленную по отношению к Франсиско де Миранде графом Сегюром в его мемуарах» подчеркивает современный венесуэльский исследователь Хосефина Родригес де Алонсо. См.: Colómbeia. Caracas, 1982. T. 5. P. 25.

²⁵ Castéra J.-H. Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. P., 1800. T. 3. P. 228–229. Оценку этого труда см.: Томашевский Б. В. Жан Кастера, автор «Истории Екатерины II» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 75–81.

²⁶ Antepara J. M. Op. cit. P. 244–246.

²⁰ Миранда — Г. А. Потемкину, 22 августа 1787 г. // АМ. Т. 7. P. 30.

²¹ Segur [L. Ph.]. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes. P., 1826. T. 3. P. 242; см. также: Parra-Pérez C. Miranda et la Révolution Française. P. XXXIII.

²² Parra-Pérez C. Miranda et la Révolution Française. P. XXXI–XXXIII.

переговоров с посланником США при версальском дворе Томасом Джефферсоном²⁷.

Но перед отъездом из шведской столицы под влиянием российского посланника А. К. Разумовского этот план подвергся существенной трансформации. При обсуждении вопросов, связанных с дальнейшим маршрутом Миранды, Разумовский настоятельно советовал ему «быть постоянно настороже во время путешествия», так как правительства Испании и Франции крайне недовольны покровительством, оказываемым ему Екатериной II, и их дипломатические представители уже позаботились сообщить о нем в Мадрид, Париж и другие европейские столицы²⁸. В частности, посланник усиленно отговаривал собеседника от поездки во Францию. Скорее всего, он не знал, что ему конкретно там грозило и о чем полковник У. С. Смит предупреждал еще два года назад (Миранда так и не получил его письмо, пока был на континенте). Но опытный дипломат, вероятно, лучше своего гостя разбирался в тонкостях и хитросплетениях европейской политики. Проведя несколько лет в Неаполе, он довольно ясно представлял себе приемы и нравы дипломатии Бурбонов и, когда узнал о причастности Сегюра к петербургской истории, решил, что венесуэльцу не стоит появляться в Париже.

Разумовскому удалось убедить Миранду отказаться от намерения посетить Францию. Во изменение прежнего плана путешественник из Дании направился через вольные имперские города Любек, Гамбург, Бремен в Республику Соединенных провинций, а оттуда — вверх по долине среднего Рейна в Швейцарию, где провел около трех с половиной месяцев. Находясь там, он во второй половине сентября 1788 г. решил все же поехать во Францию.

Как отмечалось, Миранда стремился побывать в этой стране не только в познавательных целях. Он возлагал большие надежды на встречи и переговоры с американским посланником в Париже Т. Джефферсоном — выдающимся мыслителем и просветителем, о котором много слышал во время пребывания в США. Не добившись тогда конкретных результатов в попытках заинтересовать влиятельные круги молодой заокеанской республики идеей ликвидации испанского господства в Америке, венесуэлец, видимо, все еще не отказался от планов такого рода, связывая свои расчеты со знаменитым автором Декларации независимости.

Тем не менее, понимая, какие опасности могут грозить ему во владениях «его христианнейшего величества», учитывая советы и предостережения друзей и доброжелателей, он в течение долгого времени воздерживался от поездки во Францию, до тех пор, пока положение там не претерпело серьезных изменений, что стало ему ясно к осени 1788 г., когда в этой стране резко обострился

торгово-промышленный кризис, пришли в расстройство государственные финансы, усилились народные волнения. Неурожай и стихийные бедствия, разразившиеся летом того же года, начавшийся голод усугубили процесс брожения, охвативший все слои общества. Авторитет монархии Людовика XVI, обнаружившей перед лицом надвигавшейся революции слабость и беспомощность, стремительно падал. 8 августа 1788 г. королевский совет постановил созвать 1 мая следующего года Генеральные штаты. Вскоре был вновь призван к власти ранее уволенный в отставку генеральный директор финансов Ж. Неккер — сторонник реформ, популярный в буржуазных кругах.

Внимательно наблюдая за развитием событий во Франции и получая о них, по мере приближения к ее границам, все более подробную информацию из разных источников, Миранда не мог в конце концов устоять перед соблазном увидеть все это собственными глазами. Вместе с тем он имел, видимо, основания прийти к выводу, что в обстановке финансовой катастрофы, социальных потрясений, накала политических страстей французским властям не до него, тем более, что испанский посол Аранда, постоянно напоминавший версальскому двору о существовании «мятежного» испаноамериканца, был уже около года как отозван из Парижа. Кроме того, Миранда надеялся ввести своих врагов в заблуждение, вступив на территорию Франции не на севере, как они могли предполагать, а на юге, где его вряд ли ожидали.

Покинув 20 ноября 1788 г. Женеву, он в тот же день спокойно и без всяких осложнений пересек французскую границу, проходившую по Роне. Никто не обратил на него особого внимания ни когда он предъявил паспорт на имя «ливонского дворянина г-на де Мерона» (выданный российским посланником в Гааге²⁹), ни при таможенном досмотре багажа.

Следуя по течению Роны, Миранда прибыл в Лион, где сделал пятидневную остановку, а затем продолжил путь далее на юг, вдоль реки, до Авиньона, откуда повернул на юго-восток, проехал через Экс-ан-Прованс и 6 декабря был в Марселе. Главным событием его недельного пребывания в одном из крупнейших портов Средиземноморья явилось, безусловно, знакомство с ярким представителем французского Просвещения, историком и философом аббатом Рейналем. Миранда жаждал обменяться мнениями с автором «Философской и политической истории поселений и торговли европейцев в обеих Индиях», лишь недавно вернувшимся на родину после многолетнего изгнания. Путешественник произвел на престарелого ученого, судя по всему, приятное впечатление, ибо при первой же встрече Рейналь пригласил его погостить у него 3—4 месяца, заметив, что в Марселе можно жить, не испытывая стеснений со стороны властей.

Они дважды подолгу дружески беседовали наедине на разные темы, уделяя особое внимание знаменитому произведению аббата,

²⁷ А. К. Разумовский — А. А. Безбородко, 29 октября (9 ноября) 1787 г. // АВПР. Ф. Сношения России со Швецией. Оп. 96/6. Д. 752. Л. 38 об.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ Во Франции Миранда путешествовал под именем де Мерофф.

который не скрывал возмущения по поводу решения Парижского парламента (в 1781 г.) о сожжении этой книги, осуждавшей колониализм, рабство и клерикализм. Интересуясь соображениями гостя относительно ее содержания, Рейналь постоянно просил Миранду еще раз прочитать ее, после чего прислать ему свои замечания и поправки. Помимо различных проблем Америки, они обсудили и ряд вопросов, касавшихся России³⁰, о которой французский просветитель располагал разнообразными сведениями и часто упоминал о ней в названном сочинении. Он рассказал также собеседнику о подготовляемом им новом труде об отмене Нантского эдикта, подчеркнув, что, хотя ликвидация свободы вероисповедания сильно повредила интересам Франции, она принесла пользу всему человечеству³¹.

Впрочем, забегаая вперед, отметим, что на фоне всеобщего энтузиазма, царившего тогда во Франции, некоторым диссонансом прозвучали для Миранды скептические рассуждения Рейналя о том, что вследствие нехватки просвещенных людей (по сравнению с Германией и даже Италией) и нежелания имущих слоев поступиться хотя бы частью своих доходов, чтобы спасти страну от краха, его родина еще не созрела для коренных социальных преобразований и изменения государственного строя. Он опасался как бы нынешние революционные настроения не оказались на поверку всего лишь данью очередной политической моде³². Подобные мысли отражали позицию аббата, отказавшегося занять свое место в Генеральных штатах, депутатом которых он был избран от Марселя, и выступившего впоследствии против углубления революционного процесса. Однако высказанные им сомнения и опасения не убедили южноамериканца; возразив Рейналю, он заметил, что критическое положение Франции обуславливает неизбежность революции³³.

Дальнейший путь Миранды лежал на восток, вдоль побережья Средиземного моря. Проведя несколько дней в Тулоне, он решил воспользоваться случаем и посетить два итальянских государства, где ему еще не приходилось бывать, — Геную и Сардинское королевство.

По Лазурному берегу путешественник благополучно добрался 19 декабря до Антиба, где проходила франко-сардинская граница, но при переходе ее был задержан. Насколько вежливо и предупредительно вела себя пограничная стража при въезде его во Францию месяц назад, настолько придирчив и подозрителен оказался начальник заставы здесь, на Ривьере. Изучив предъявленный ему паспорт, офицер наотрез отказался пропустить его владельца через границу, заявив, что документ оформлен не по

правилам: во Франции паспорта печатают типографским способом, а не записывают от руки. Только после повторных разъяснений, что паспорт-то не французский, а русский, бдительный служака сменил наконец гнев на милость и выдал пропуск³⁴.

После почти двухмесячного пребывания в Северной Италии Миранда, памятуя о неприятном происшествии в Антибе, из предосторожности решил, минуя сухопутную границу, возвратиться в Южную Францию морем и 10 февраля 1789 г. отплыл из Генуи в Марсель. Там его время было в основном заполнено неоднократными беседами с Рейналем и устройством различных дел: получением денег и оформлением документов на выплату оставшейся на его счете суммы в Бордо, упаковкой и отправкой в Лондон приобретенных им книг³⁵ и т. д.

26 февраля 1789 г. он выехал из Марселя в западном направлении и, двигаясь параллельно побережью Средиземного моря, проследовал через Салон-де-Прованс, Арль, Ним, Монпелье, Мез, Безье, Нарбон, Каркасон до Тулузы, оттуда вниз по Гаронне в Бордо. В этом городе Миранда провел около трех недель, уладил свои денежные дела и 12 апреля отправился дальше на север — через Рошфор и Ла-Рошель в Нант, где повернул на северо-запад, вдоль побережья Бискайского залива, и к концу месяца добрался до Бреста. Затем побывал в Сен-Мало, Шербуре, Кане и 14 мая прибыл в Гавр. Теперь надо было решать: продолжить ли путь по побережью до Кале и там переправиться через пролив в Англию, или ехать в Париж.

Второй вариант был, конечно, чреват определенным риском. Ведь, объехав по периметру большую часть Франции, он держался до тех пор в пределах ее периферии, не углубляясь во внутренние районы. Столица, где были сосредоточены правительственные и административные учреждения, полиция и войска, не говоря уже об испанском посольстве, представляла, как ему казалось, относительно более серьезную опасность. Но то, что происходило в Париже, очень интересовало его.

Оказавшись на французской территории, Миранда неотрывно следил за дальнейшим ходом событий. Крестьянские восстания, захлестнувшие страну с конца 1788 г. и усилившиеся в марте — апреле 1789 г., волнения городского плебейства, подготовка и проведение выборов в Генеральные штаты, поток брошюр и листовок, рост революционных настроений среди различных слоев общества — все это привлекло его пристальное внимание, являлось постоянной темой бесед и переписки. Еще в середине декабря 1788 г. в Тулоне он с увлечением прочитал «превосходный» памфлет Ж. П. Рабо де Сент-Этьенна «Размышления о нуждах третьего сословия»³⁶, выдержавший к тому времени уже несколько изданий. Это сочинение произвело на него столь сильное

³⁰ AM. T. 4. P. 129–132.

³¹ Ibid. P. 130.

³² Разговор об этом зашел позднее, во время повторного посещения Мирандой Марселя (вторая половина февраля 1789 г.). См.: Ibid. P. 187–188.

³³ Ibid. P. 187.

³⁴ Ibid. P. 144.

³⁵ Ibid. P. 188–190.

³⁶ Ibid. P. 138.

впечатление, что, приехав в начале марта 1789 г. в Ним, где жил автор, Миранда захотел с ним познакомиться и, поскольку выяснилось, что Рабо, будучи протестантским проповедником, разъезжает по своему приходу, не пожалел нескольких дней, чтобы дожидаться, пока тот возвратится домой. Их продолжительная беседа была посвящена преимущественно политическим вопросам. Путешественник, в частности, обратил внимание на слова Рабо о том, что он и его единомышленники намерены изменить систему правления без единого выстрела³⁷.

В Бордо Миранда обсуждал текущую политическую обстановку с представителями третьего сословия, собравшимися для избрания депутатов Генеральных штатов³⁸.

Незадолго до прибытия его в Гавр Париж пережил выступление рабочих Сент-Антуанского предместья, а 5 мая в Версале открылись Генеральные штаты. Один из марсельских друзей венесуэльца в письме к нему выражал уверенность, что он не упустит возможность лично наблюдать, как будут дальше развиваться события в столице Франции³⁹.

Таким образом, у Миранды было более чем достаточно оснований рваться в Париж и надеяться, что в царящей сумятице властям будет не до него. Что же касалось вероятных происков с испанской стороны, то в связи с недавней смертью короля Карла III⁴⁰, от имени которого формально предпринимались все действия против него, момент тоже казался ему благоприятным.

Исходя из этих соображений, он 17 мая выехал в Руан, а оттуда вверх по течению Сены направился в Париж. 24 мая Миранда прибыл во французскую столицу, имея при себе кину писем от друзей и знакомых из Бордо, Шербурга, Гавра, настоятельно рекомендовавших г-на де Мероффа разным влиятельным лицам⁴¹.

Пребывание в Париже, длившееся меньше трех недель, судя по всему, не оправдало его ожиданий. Правда, мы знаем об этом периоде жизни Миранды лишь в самых общих чертах, ибо с 27 апреля 1789 г. аккуратный венесуэлец не вел дневник регулярно и обстоятельно, как прежде, а ограничивался время от времени краткими заметками. Тем не менее они дают все же некоторое представление о заключительной фазе его путешествия.

Миранда интересовался главным образом новейшими политическими событиями, будоражившими столицу, и даже сумел попасть на заседание Генеральных штатов, происходившее в версальском дворце Малых забав. Он беседовал с многолетним корреспондентом Екатерины II, издателем информационного двухнедельника «Литературные сообщения» бароном Ф. М. Грим-

мом, с постоянным секретарем французской Академии, писателем-просветителем и участником «Энциклопедии» Жаном Франсуа Мармонтелем⁴², панес визит российскому посланнику И. М. Симолину, совершил две трехдневные поездки — в Версаль и Шантийи. Однако своей главной цели, ради которой Миранда прежде всего и приехал в Париж, он, видимо, не достиг: никаких следов встречи с Т. Джефферсоном нам обнаружить не удалось⁴³.

Можно предположить, что она не состоялась в первую очередь потому, что посланнику было тогда не до Миранды. Его внимание всецело поглощали в те дни французские дела. С момента открытия Генеральных штатов Джефферсон ежедневно отправлялся в Версаль, где собирались депутаты трех сословий. С галереи, отведенной для иностранных дипломатов, он пристально следил за бесплодными дебатами, в ходе которых представители дворянства, духовенства и третьего сословия без конца обсуждали порядок ведения заседаний, голосования, проверки депутатских полномочий и т. п. Автор Декларации независимости был крайне удручен и разочарован бездействием и нерешительностью собрания, завязшего в процедурных вопросах и не приступавшего по существу к рассмотрению актуальных проблем, волновавших страну.

Своими мыслями по этому поводу он делился с влиятельными французскими деятелями — маркизом Лафайетом, Рабо де Сент-Этьеном, Жозефом Барнавом, Александром Ламетом и др., с которыми регулярно встречался⁴⁴. Джефферсон подробно информировал о деятельности Генеральных штатов и прочих событиях во Франции Джона Адамса, Джеймса Мэдисона, Джона Джея, Томаса Пейна и иных своих американских корреспондентов.

В этих условиях чрезвычайно занятой посланник, непрерывно курсировавший между столицей и Версалем, вряд ли мог найти время для посетителя из Южной Америки, даже если его имя о чем-то говорило ему⁴⁵. К тому же вскоре после приезда Миранды в Париж — в начале июня 1789 г. — Джефферсон, призвав

³⁷ Ibid. Т. 4. Р. 280.

³⁸ См. фундаментальное 60-томное издание (пока что незавершенное) бумаг третьего президента США, включающее письма, написанные им и адресованные ему, а также варианты и черновики документов: The papers of Thomas Jefferson. Vol. 1–21. Princeton, 1950–1983. Vol. 15. В указателе к рукописной коллекции «Thomas Jefferson Papers», хранящейся в Библиотеке конгресса в Вашингтоне, имя Миранды тоже не значится ни среди авторов, ни среди адресатов писем. См.: Index to the Thomas Jefferson Papers. Wash., 1976.

³⁹ См.: Autobiography of Thomas Jefferson. N. Y., 1959. P. 100–101; Bowers C. G. The Young Jefferson, 1743–1789. Boston, 1945. P. 488–493; Peterson M. D. Thomas Jefferson and the New nation. N. Y., 1970. P. 377.

⁴⁰ Следует заметить, что еще в конце предыдущего лета сын бывшего губернатора Южной Каролины Джон Рэтледж, младший, путешествуя по Европе, писал Джефферсону из Берна о полковнике Миранде. См.: Дж. Рэтледж, мл. — Т. Джефферсону (ок. 20) августа 1788 г. // The papers of Thomas Jefferson. Vol. 13. P. 530.

³⁷ Ibid. P. 208–209.

³⁸ Ibid. P. 236.

³⁹ Фавр — Миранде, 28 апреля 1789 г. // Ibid. Т. 5. Р. 408.

⁴⁰ Он умер 14 декабря 1788 г.

⁴¹ AM. Т. 5. Р. 405–407, 409–412.

своих французских друзей к более решительным действиям, выдвинул идею провозглашения «хартии вольностей». По предложению Лафайета и Рабо де Сент-Этьена он набросал проект этого документа и 3 июня послал им ⁴⁶.

Указанные выше обстоятельства, скорее всего, и помешали Миранде повидать главу дипломатической миссии США во Франции. Как бы то ни было, именно отсутствие возможности встретиться с Джефферсоном явилось, вероятно, основной причиной, по которой он уже в первые дни июня стал подумывать об отъезде. По ходатайству И. М. Симолина (взявшего под свое покровительство иностранца, к которому благоволила императрица) французские власти выдали 3 июня паспорт на беспрепятственный выезд в Лондон «ливонского дворянина г-на де Меровфа» за подписью самого Людовика XVI, ограничив срок действия двумя неделями ⁴⁷. Спустя пять дней генеральный интендант курьерской и почтовой службы королевства барон д'Оньи распорядился о предоставлении владельцу паспорта на всех почтовых станциях лошадей для проезда в Кале ⁴⁸.

Получив у посланника эти документы, Миранда 11 июня выехал из столицы на север. Назавтра он был в Лилле, к вечеру 16-го — в Кале, следующим утром переправился через пролив в Дувр, а 18 июня 1789 г. прибыл в Лондон. Там месяц спустя его и застала весть об историческом штурме Бастилии.

Он внимательно следил за ходом событий, происходивших по ту сторону Ла-Манша, которые интересовали Миранду прежде всего с точки зрения возможного содействия революционной Франции освобождению американских колоний Испании. Однако на первом этапе революции, когда в Учредительном, а затем Законодательном собрании главную роль играли конституционные монархисты, в чьих руках находилась и исполнительная власть, осуществлявшаяся Государственным советом под председательством короля, никаких признаков подобных намерений французского правительства не замечалось. К тому же сам Миранда делал в эти годы ставку в основном на поддержку планов свержения испанского владычества в Америке сент-джеймским кабинетом.

Только в марте 1792 г., после образования в Париже жирондистского министерства, получив сведения, будто оно склонно «распространить свои принципы на Испанскую Америку и способствовать ее независимости» ⁴⁹, он решил отправиться во Францию, чтобы проверить точность этой информации, позондировать почву и установить необходимые связи в политических кругах французской столицы, после чего собирался возвратиться в Лондон.

Приехав в Париж, Миранда благодаря рекомендательным письмам от лондонских друзей был сразу же представлен видным жирондистским деятелям — мэру столицы Петиюну, депутатам Законодательного собрания Бриссо (игравшему главную роль в Дипломатическом комитете собрания), Жансонне, Гаде, министрам иностранных и внутренних дел Дюмурье и Ролану и др. От них он узнал, что наступательная стратегия жирондистов включала идею переноса революции в Испанию и в ее американские колонии ⁵⁰. Но в итоге бесед с новыми друзьями венесуэлец пришел к выводу, что эти замыслы не имеют серьезной основы, а опрометчивая попытка их претворения в жизнь без необходимой подготовки и реальных шансов на успех являлась, с его точки зрения, рискованной авантюрой, которая могла причинить только вред Испанской Америке. Ему удалось убедить своих собеседников «отложить осуществление этого проекта на некоторое время» и ничего не предпринимать, предварительно не известив его ⁵¹. А 13 июня король отстранил министров-жирондистов, чье место заняли фейяны.

В сложившейся ситуации Миранда к концу лета решил покинуть Францию и даже купил билет на лондонский дилижанс, отирававшийся утром 12 августа. Но его планы нарушило народное восстание, вспыхнувшее в Париже 10 августа 1792 г. Законодательное собрание, где доминирующее положение заняли жирондисты, пользовавшиеся теперь поддержкой центра, сместив прежних министров-фейянов, назначило Временный исполнительный совет, преимущественно жирондистский по составу. Новые власти немедленно распорядились закрыть дорожные заставы и запретили выезд из страны. А Миранде предложили остаться во Франции и занять высокий командный пост в революционной армии. Настойчиво убеждая его присоединиться к тем, кто с оружием в руках отражал в тот критический момент натиск вторгшихся австро-прусских войск, Петюион и военный министр Серван заявляли, что от исхода борьбы против коалиции европейских монархов зависит судьба Франции. При этом оба жирондистских деятеля подчеркивали, что, только одержав решительную победу над интервентами, она сможет помочь освобождению Испанской Америки.

В расчете на будущее содействие французского правительства стремлениям испаноамериканцев свергнуть колониальное иго Миранда согласился принять сделанное ему предложение ⁵² и 1 сентября 1792 г. получил назначение в Северную армию. Так началась его служба в войсках революционной Франции — тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

⁴⁶ Peterson M. D. Op. cit. P. 377.

⁴⁷ AM. T. 7. P. 328.

⁴⁸ Это распоряжение было действительно в течение всего трех дней. См.: Ibid. P. 327.

⁴⁹ AM. T. 8. P. 10.

⁵⁰ Ibid. T. 15. P. 144.

⁵¹ Ibid. См. также: T. 8. P. 10.

⁵² Ibid. T. 8. P. 1-2, 10-11; T. 15. P. 144-145.